

**РОССИЙСКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ XIX В.
О СПЕЦИФИКЕ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
И ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Оформление консерватизма как самостоятельного направления отечественной общественно-политической мысли относится к началу XIX в. Этот сложный процесс стал ответной реакцией на революционные потрясения во Франции конца XVIII в. Размышляя о социально-политических перспективах России, представители нового направления не могли не обратиться к историческому опыту государств Западной Европы. Приоритет Великобритании объяснялся многовековой историей парламентаризма в этой стране. Уверенность консерваторов в своеобразии исторического пути России исключала не критическое заимствование западных форм и институтов. Они в целом обоснованно доказывали, что государство, являясь продуктом исторического развития конкретного социума, вбирает в себя его отличительные черты, испытывает на себе влияние локальной ментальности. Поскольку отечественная политическая культура разительно отличалась от западных, в том числе и британских стандартов, российская государственность имела все основания к саморазвитию. Вместе с тем внимательное отношение к Западу свидетельствовало о стремлении консервативных кругов позиционировать Россию как неотъемлемую часть европейской цивилизации.

А. Минаев

**IDEAS OF THE RUSSIAN CONSERVATIVES OF THE 19TH CENTURY
ABOUT SPECIFICITY OF THE BRITISH PARLIAMENTARISM
AND PERSPECTIVES OF THE RUSSIAN STATE SYSTEM**

The formation of conventionalism as an independent trend of Russian socio-political thought refers to the beginning of the 19th century. This complex process was a reaction to the rebellions in France in the 18th century. Analysing Russia's socio-political perspectives, the representatives of the new trend could not help paying attention to the historical experience of west-european countries. Great Britain's priority was explained by its long history of parliamentarism. The conservatives were sure in singularity of Russian historical development, which eliminated non-critical borrowing of Western forms and institutions. On the whole, they explained that the state, being a result of historical development of the social community, includes its special traits and influences of the local mentality. As the Russian political culture differed from the Western ones, the Russian state had all foundations for self-development. At the same time, the attentive attitude to the West meant an intention of the conservatives to represent Russia as a part of European civilisation.

Оформление консерватизма как самостоятельного направления отечественной общественно-политической мысли относится к началу XIX в. Этот сложный процесс, происходивший в среде российских интеллектуалов, стал ответной реакцией на революционные потрясения во Франции конца XVIII в. Внешнеполитический фактор становления консерватизма дополнялся стремлением многих деятелей противодействовать возможной либеральной реорганизации механизма российского самодержавия.

Размышляя о социально-политических перспективах России, представители нового направления не могли не обратиться к историческому опыту государств Западной Европы. Приоритет Великобритании объяснялся многовековой историей парламентаризма в этой стране, трепетным отношением британцев к основам своей государственности.

Летом 1790 г. в Великобритании побывал один из будущих идеологов отечественного консерватизма Николай Михайлович Карамзин. В начале XIX в. его «Письма русского путешественника» были переведены на английский язык, что свидетельствовало об интересе читающих британцев к восприятию их страны в далекой России.

В 90-е гг. XVIII в. Карамзин оставался на позициях, которые носили в целом космополитический характер. Очевидно, эти настроения стали необходимым этапом формирования его мировоззрения. «Я в Англии — в той земле, — писал он, — которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы»¹.

Карамзин подчеркивал значение свободы для англичан как важнейшей ценности и основы их государственного строя. «Англичане боятся строгой полиции и лучше хотят быть обкрадены, нежели видеть везде караулы, пикеты и жить в городе как в лагере»². Практическим воплощением этой свободы стал парламент, отношение к которому у Карамзина было неоднозначным.

С одной стороны, он не мог не видеть его важной роли в британском государстве: «Англичанин царствует в Парламенте и на Бирже: в первом дает он законы самому себе, а на второй целому торговому миру»³. С другой стороны, для него парламент лишь элемент хорошо отлаженной государственной машины, которая не дает сбоя потому, что общественное мнение находит в нем частичное выражение. Делясь своими впечатлениями от посещения палаты общин, Карамзин писал: «Едва ли 50 человек говорят когда-нибудь; все прочие немые; иные, может быть, и глухи — но дела идут своим порядком, и хорошо. Умные министры правят, умная публика смотрит и судит. Член может говорить в парламенте все, что ему годно; по закону он не дает ответа»⁴.

«Ахиллесовой пятой» британской конституции оставалось избирательное право. Право голоса рассматривалось тогда не как политическое право, а скорее, как право-привилегия. В стране отсутствовало общегосударственное, развитое законодательство о выборах, что влекло за собой развитие местных, обособленных правил избрания депутатов палаты общин, характерной чертой которых являлась малочисленность избирателей.

Карамзин подробно описал «избирательные процедуры» в Вестминстере. Агитация за кандидатов принимала характер откровенного подкупа. «Вестминстер избирает двух Членов. Министры желали Лорда Гуда, а противники их Фокса; более не было Кандидатов. Накануне избрания угощались безденежно в двух тавернах те Вестминстерские жители, которые имеют голос: в одной подчивали Министры, а в другой приятели Фоксовы»⁵. Далее Карамзин привел отрывок из обличительной речи Горна Тука, который выставил свою кандидатуру на выборах. «...Сотраждане! Истинная Английская свобода у нас давно уже не в моде; но я человек старинный и люблю отечество по-старинному. Вам говорят, что нынешний день есть торжество гражданских прав ваших; но

пользуетесь ли вы ими, когда вам предлагают из двух Кандидатов выбрать двух Членов? Они уже выбраны! Министры с противниками согласились и над вами шутят»⁶. Даже для иностранца был очевиден весь фарс этих выборов.

В начале XIX в. критическое отношение к институтам британского парламентаризма у Карамзина стало превалировать. Редактируемый им «Вестник Европы» в июле 1802 г. информировал своих читателей: «Теперь в Англии занимаются выборами новых парламентских членов: единственная эпоха, по словам Жан-Жака Руссо, в которой английский народ пользуется истинной свободой!»⁷

Видный журналист, писатель, издатель консервативного толка Николай Иванович Греч в своих «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», изданных в Санкт-Петербурге в 1839 г., анализируя расстановку политических сил в британском парламенте, приходил к выводу о том, что «...сколько не различны все эти партии в мнениях своих о том, какие средства должно употребить для достижения цели — они согласны в одном, в ревностной приверженности к своему отечеству, к своему государю, в совершенной покорности существующим законам, и в пламенном желании всех благ, славы и величия их любезной Британии»⁸. Затем он с восторгом восклицал: «Цвети, прекрасная, благородная, величественная Британия! Будь примером и образцом благочестия, непоколебимой верности к добрым монархам, искренней любви к своему отечеству и приверженности к ее законам!»⁹

Славянофилы дополнили консервативную доктрину отдельными своими положениями. В отечественной исторической науке прочно укоренилось мнение о противопоставлении ими России и Европы. На наш взгляд, данный тезис требует некоторого уточнения. Между континентальной Европой, восприятие которой у многих отечественных мыслителей формировалось в первую очередь под влиянием Франции, и островной Великобританией имели

место существенные социальные и государственно-правовые различия. В связи с этим несомненный интерес представляют англофильские воззрения Алексея Степановича Хомякова.

Хомяков в 1848 г. пишет «Письмо об Англии», которое стало результатом осмысления впечатлений, полученных от поездки в эту страну годом ранее. Обращение к историческим корням и современному состоянию английского общества для Хомякова определялось поиском параллелей с российской действительностью. Противопоставляя английскую традиционность континентальному космополитизму, он доказывал возможность относительно обособленного исторического существования, что было созвучно с идеей самобытности России. «Жизнь Англии, — писал он, — развивалась самобытно из своих собственных начал»¹⁰.

По мнению Хомякова, подражание иноземным образцам бесперспективно, поскольку ведет к утрате национальных начал, более того, мешает объективно оценить как положительные, так и отрицательные качества, присущие объекту подражания. «Англия, почти во всем самобытная, сделалась предметом постоянного подражания, а неразумение есть всегдашнее условие подражания. Человек ли обезьянничает человеку или народ ломается, чтобы сделаться сколком другого народа, в обоих случаях человек или народ не понимают своего оригинала: они не понимают того цельного духа жизни, из которого истекают внешние формы; иначе они бы и не вздумали подражать»¹¹.

Нам представляется особо важным указание Хомякова на взаимосвязь «духа жизни» народа и «внешних форм» его организации. Общественные институты, государственно-правовые формы, адекватно и эффективно выражающие и обеспечивающие потребности одного народа, не могут быть механически перенесены на другую почву.

Хомяков с некоторой снисходительностью рисует парламент, но при этом отдает ему должное как инструменту именно бри-

танского государственного механизма. «...Где такие малосложные средства дают такие огромные результаты? Где ум идет к цели так прямо? Человек триста собрались в большой комнате в вечных своих черных фраках, сидят кто как попал, почти в беспорядке; иной полулежит, иной дремлет; один какой-нибудь из присутствующих говорит с своего места: это парламент, величайший двигатель новой истории»¹².

«Дух жизни» англичан, по мнению Хомякова, состоит в консерватизме, трепетном отношении к национальным основам общественной и государственной жизни. «Действительно всякий англичанин — тори в душе. Могут быть разницы в силе убеждений, в направлении ума; но внутренне чувство одинаково у всех»¹³. Это выражается в первую очередь в отношении к институту монархии. «Английская гувернантка, после тридцатилетнего отсутствия из Англии, не могла слышать песни *God save the king* (Боже царя храни) без того, чтобы не снять шапок с головы своих воспитанников, и она делала это совершенно бессознательно. Таково же отношение англичанина к закону. Он беспредельно уважает закон; но почему? Потому, что всякий закон английский есть английский вполне»¹⁴.

Политический консерватизм Хомяков находит и у основной массы соотечественников и считает его важнейшим фактором русской самоидентификации. «Если ты хочешь найти тористические начала вне Англии, — оглянись: ты их найдешь... Вот величие златоверхого Кремля с его соборами, и на Юге — пещеры Киева, и на Севере — Соловецкая святыня, и домашняя святыня семьи, и более всего, вселенское общение никому неподсудного Православия»¹⁵.

По справедливому мнению Хомякова, внутривластный процесс в Великобритании середины XIX в. определялся противостоянием тори и вигов. Хомяков полагал, что политический аспект этого конфликта не является первостепенным, поскольку концептуально в сознании политической элиты доминировали консерва-

тивные установки, предполагавшие мирную эволюцию при сохранении важнейших политико-правовых форм и институтов. С другой стороны, различия носили скорее социальный характер, так как тори и виги по-разному оценивали перспективы и приоритеты экономического развития. «Разрознились и вступили в борьбу две разумные силы народа. Одна, органическая, живая, историческая, ослабленная уже упадком сельского общинного быта и бессознательно допущенным скептицизмом протестантизма, составила торизм. Другая, личная и аналитическая, не верящая своему прошедшему, приготовленная уже издавна тем же упадком общинного быта и усиленная всею разлагающею силою протестантизма, составила вигизм»¹⁶.

Хомяков, приветствуя сохранение традиционных институтов и отношений, видел динамику британского исторического процесса. «Конечно, Англия еще крепка, много живых и свежих соков льется в ее жилах; но дело вигов идет вперед неудержимо. Звонко и мерно раздаются удары протестантского топора, разрубаются тысячелетние корни, стонет величавое дерево»¹⁷.

Таким образом, обращение Хомякова к анализу внутривластных процессов в Великобритании было отнюдь не случайно. Общественно-политическая практика в этой стране была для него интересна в сопоставлении с отечественной действительностью. В стремлении англичан опереться на собственные традиции Хомяков находил созвучные настроения своей концепции развития России. Великобритания не была для него образцом для заимствования конкретных политико-правовых форм, но давала метод ненасильственной эволюции.

Свою общественно-политическую позицию Михаил Никифорович Катков в записке Александру III, написанной в феврале 1884 г., определял следующим образом: «Мое имя стало равносильно политической программе. ...Деятельность моя была государственной службой, но без жалованья и наград и не в мундире. У меня была одна

защита — Государь, одно орудие — слово правды»¹⁸. С этих, последовательно охранительных позиций Катков и рассматривал проблемы европейского развития, в том числе и события, связанные с внутривнутриполитической историей Великобритании XIX в.

В 1859 г. Катков посетил эту страну, что дало ему возможность детально изучить британский парламентаризм, механизмы его функционирования. В статье «Выборное начало», опубликованной в 1860 г., он усматривал залог прочности британского государства в «...начале разделения властей, которое прославлял Монтескье и которое лежит в основе английского политического быта»¹⁹. Выражением этого разделения, по Каткову, является независимость юстиции от администрации, что «...имеет своей важнейшей целью обеспечение гражданской свободы»²⁰. При этом Катков считал совершенно оправданным то, что палата лордов «...в одно и то же время есть и законодательная корпорация и высшее судилище Великобритании»²¹. Он доказывал, что «...если вникнуть в дело, то легко заметить рациональность такого соединения двух, по-видимому, разнородных занятий. Англии дорога палата лордов, как собрание людей, наиболее независимых в лице, независимых и от правительства и от публики, способных противостоять и притязаниям власти и временным увлечениям общественного мнения, имеющих полную возможность сказать без страха и гнева свободное слово и в вопросах политических и в высших судебных делах»²². Из оправдания фактического нарушения палатой лордов принципа разделения властей следует то, что для Каткова именно она является фундаментом британской государственности, ее охранительной, наиболее устойчивой составляющей.

Катков полагал, что при разрешении каких-либо конституционных проблем было бы нерационально не обращать внимания на Великобританию, однако при этом он призывал: «...Изучая английские учреждения, надобно помнить, что пример Англии не должен, однако же, лишать нас самосто-

ятельного суждения о наших собственных потребностях и о началах нашего национального быта»²³. В одном из писем Катков указывал на то, что «...наша сила в Европе есть сила охранительного свойства»²⁴.

Свое отношение к общественному и государственно-правовому развитию Катков определял как охранительное. При этом он доказывал, что консерватизм несколько не сдерживает прогресс, но является его существенным условием. «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано, и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней»²⁵. С этих позиций Катков и рассматривал эволюцию британского парламентаризма в XIX в., импониравшую ему умеренностью изменений, которые оставляли, по его мнению, монархические и аристократические начала британской конституции неизменными и основополагающими.

Признавая значимость британского опыта в государственно-правовой сфере в качестве предмета исследования, Катков отвергал возможность его практического применения в России. «Всякому свое: Востоку — восточное, Западу — западное, — писал он. — Воздавая должное другим, останемся собою и пойдем своим путем»²⁶. Для самодержавной России между «...конституцией и представительством не более разницы, чем между ломкой и крушением. Это шаг более или менее широкий на пути ослабления власти»²⁷.

Наиболее определенно по поводу парламентаризма высказывался Константин Петрович Победоносцев. «Одно из самых лживых политических начал, — писал он, — есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной. Отсюда вытекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в

заблуждение массу так называемой интеллигенции, и проникла, к несчастью, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее изобличается все явственнее перед целым миром»²⁸. При этом он полагал, что британский вариант парламентаризма стал результатом длительной эволюции, а представительные учреждения этой страны прочно встроены в ее государственно-правовой механизм. «Не всякому быту, не всякой истории, не всякому народу, — подчеркивал он, — свойственны эти учреждения. Они могут в порядке действовать только там, где есть для того условия в быте народном и в учреждениях прежнего времени (Англия)»²⁹.

Британский опыт, изучавшийся российскими консерваторами XIX в., показывает, что эффективность парламента определяется не столько его структурой и уровнем законодательной техники, сколько неразрывной связью с общественным мнением. Для успешного внедрения представительства требуются развитая политико-правовая среда и готовность населения взять на себя бремя участия в государственной жизни. «Англосаксонское племя, — подчеркивал Победоносцев, — с тех пор как заявило себя в истории, и донныне отличается крепким развитием самодеятельной личности: и в сфере политической, и в экономической этому свойству англосаксонское племя обязано и устойчивостью древних своих учреждений, и крепкой организацией семейного быта и местного самоуправления... Землевладельцы держатся своих имений и сами стремятся вести на них хозяйство и промыслы. Местное управле-

ние держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле. Учреждения административные обходятся без полчища чиновников, состоящих на содержании у государства и чающих от него обеспечения и повышения. Вот на каком корне сами собою исторически выросли представительные учреждения свободной Англии, и вот почему ее парламент состоит из действительных представителей местных интересов, тесно связанных с землею; вот почему и голос их может считаться, в достаточной мере, голосом земли и органом национальных интересов»³⁰.

Уверенность консерваторов в своеобразии исторического пути России исключала не критическое заимствование западных форм и институтов. Они в целом обоснованно доказывали, что государство, являясь продуктом исторического развития конкретного социума, вбирает в себя его отличительные черты, испытывает на себе влияние локальной ментальности с ее традицией отношения к власти. «Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя, — подчеркивал К. Н. Леонтьев, — она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности, от начала до конца»³¹.

Поскольку отечественная политическая культура разительно отличалась от западных, в том числе и британских стандартов, российская государственность имела все основания к саморазвитию. При этом внимательное отношение к Западу свидетельствовало о стремлении консервативных кругов позиционировать Россию как неотъемлемую часть европейской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945. — М., 2001. — С. 68.

² Там же. — С. 102.

³ Там же. — С. 85.

⁴ Там же. — С. 115.

⁵ Там же. — С. 99–100.

⁶ Там же. — С. 100.

- 7 Вестник Европы. — 1802. — № 13. — С. 73.
- 8 Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. — СПб., 1839. — Ч. 1. — С. 224.
- 9 Там же. — С. 252.
- 10 Хомяков А. С. Письмо об Англии // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945. — М., 2001. — С. 229.
- 11 Там же. — С. 219.
- 12 Там же. — С. 222.
- 13 Там же. — С. 231.
- 14 Там же. — С. 232.
- 15 Там же. — С. 237.
- 16 Там же. — С. 231.
- 17 Там же. — С. 238.
- 18 ГАЛИ. Ф. 262. Оп. 3. Д. 1. Л. 44–45.
- 19 Катков М. Н. Выборное начало // Современная летопись. — 1860. — № 6. — С. 91.
- 20 Там же.
- 21 Там же. — С. 92.
- 22 Там же.
- 23 Там же. — С. 95.
- 24 ГА РФ. Ф. 1718. Д. 4. Л. 1.
- 25 Катков М. Н. К какой мы принадлежим партии // Русский вестник. — 1862. — № 2. — С. 839.
- 26 Катков М. Н. О самоуправлении и конституции. — М., 1905. — С. 13.
- 27 Там же. — С. 37.
- 28 Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. — М., 1993. — С. 31–32.
- 29 Победоносцев К. П. Записки по законоведению: Курс лекций. 1885–1888 гг. // Известия вузов. Правоведение. — 1997. — № 1. — С. 78.
- 30 Цит. по: Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. — М., 2003. — С. 320–321.
- 31 Цит. по: Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. — М., 2003. — С. 201.